

<https://www.belta.by/culture/view/sbornik-belorusskoj-literatury-uvidit-svet-v-perevode-na-kitajskij-jazyk-288610-2018/> – Дата доступу: 20.02.2021

6. Карлюкевіч, А. Китай: в ожидании белорусского художественного слова/ А. Карлюкевіч // Звезда [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://zviazda.by/ru/news/20170724/1500903392-kitay-v-ozhidanii-belorusskogo-hudozhestvennogo-slova> – Дата доступу : 20.02.2020

7. В Красном костеле прошёл день белорусской и шведской поэзии // Белорусские новости [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://www.google.com/amp/s/naviny.online/en/node/79144%3famp> – Дата доступу: 20.02.2021

8. Сакалоўскі, У. Новыя кнігі беларускай паэзіі ў Германіі / У. Сакалоўскі // Кантакты і дыялогі. – 2002 – С. 29–32.

9. Мележ, О. Беларуска-нямецкія культурныя сувязі ў галіне літаратуры ў 90-я гг. ХХ – пачатку ХХІ стст. / О. Мележ // Лінгвакультуралагічная парадыгма ў сучасных даследаваннях: зб. навук. арт. / редкал. В. Істомін (адказ. рэд.) [і інш.]; ГрДУ імені Я. Купалы. – Гродна: ГрДУ, 2011. – С. 160-166.

10. Навошчак, Е. Беларуска-шведскія грамадска-культурныя сувязі (2008-2010 гг.) / А. Навошчак // Міжнар. правы і міжнар. адносіны. – 2012. – № 1. – С. 57–61.

Карп О. И., студент 111 группы
Научный руководитель – Климов И. П.,
кандидат филологических наук, доцент

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОГРОМОВ

В РУССКО–ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Противостояние между еврейским и нееврейским миром существовало много столетий, но новый оборот оно приняло в конце XIX — начале XX века в Российской империи. Это было время еврейских погромов.

В России еврейское население появилось в результате разделов Речи Посполитой, что привело к возникновению черты оседлости, за которую евреи не имели права переселяться. Именно там и происходили первые массовые беспорядки в отношении евреев, отмеченные ещё с 1820-х гг. Впоследствии погромы приобрели уже не столько религиозный, сколько политический характер. Российская власть пыталась таким образом совладать с революционным движением в частности и социальной напряжённостью в целом, особенно среди национальных меньшинств.

Погромы этого времени привели к формированию не только новой тематики, но и нового периода в русско-еврейской литературе — национально ориентированного [1]. Ключевые мотивы этого периода, охватывающего 1880-е гг. и большую часть 1890-х гг., — это горечь утраченных иллюзий и отношение к ценностям патриархальной жизни в местечке или гетто.

И только в предреволюционное десятилетие эта литература обращает на себя внимание русских читателей — благодаря таким писателям, как Семён Юшкевич и Давид Айзман. Оба они совершили своего рода революцию, напечатав в ежемесячном русском журнале «Русское богатство» свои произведения («Портной. Из еврейского быта» и «Немножечко в сторону» соответственно).

Новый рассвет в русско-еврейской литературе отразился в творчестве С. Юшкевича. Он стал одним из первых представителем группы писателей, которые стремились к созданию нового русско-еврейского стиля написания. «Место действия всех рассказов Юшкевича — черта еврейской оседлости — значит, нечто искусственное, случайное и временное» [2]. Он старался более полно отразить противоречивую действительность жизни евреев: в трагедии находил образы возвышенные и чистые, овеванные романтическим ореолом. За это актриса Мария Савина прозвала его «новым Островским» [3].

Д. Айзман также принадлежал к создателям нового стиля. Он глубоко изучал психологию человека в нужде и горести, его многообразие чувств и сложный характер. Критики называли его «еврейским Чеховым» [1].

Ни С. Юшкевич, ни Д. Айзман не оказались равнодушны к еврейским погромам, что отразилось в их произведениях «Евреи» (1904) и «Кровавый разлив» (1908) соответственно. В «Евреях» показана жизнь еврейской бедноты с её неизбежным голодом, преступностью и проституцией. «Кровавый разлив» был подвергнут резкой критике М. Горьким: «...написал истерическую вещь, которая для меня, после "Тернового куста", явилась неожиданностью, горестной и тяжелой» [4]. В обеих повестях ведущим героем является ассимилированный еврей.

Особо остро проблема ассимиляции поставлена в произведении С. Юшкевича, уроженца Одессы, космополитического города. Автор тождественен с Нахманом, главным героем повести «Евреи». Он отстаивает не обособленность и исключительность еврейского этноса, а его причастность к общему единству. В этой мысли чётко прослеживаются марксистские идеи. Нахман, трудясь на заводе, видит нищее существование рабочего класса и делает для себя вывод, что русский и еврей являются «детьми одних страданий, одной ненависти». По мнению автора, они имеют одного врага, который натравил их друг на друга. Поэтому суть погромов заключается не в религиозной нетерпимости, а в политических играх. Любая земля могла стать домом, если есть желание трудиться ради своей свободы. Взгляд Нахмана кардинально противоречил взгляду евреев диаспоры, поэтому вызвал недовольство в традиционных еврейских кругах. Здесь происходит борьба традиционной еврейской семьи и новой идеологии. Семья говорит: остаётся только «плакать о родине, плакать о беззащитности, плакать о нашей несчастной судьбе», новое время говорит: «на удар ответьте десятью, — из них девять для тех, кто дал насильнику камень против вас, — ибо не враг, то брат идет на вас». В этом и было новаторство С. Юшкевича — новое представление о еврейской жизни, о разрушении

традиционной семьи. Еврей с русской душой в критической ситуации входит в непростые отношения как с еврейской, так и с русской средой.

Аналогичная ситуация неопределённости присутствует и в повести Д. Айзмана «Кровавый разлив». Русский интеллигент Пасхалов, «чужой среди своих», из-за своего сочувствия другому этносу чувствует вину перед евреями за своё происхождение. Д. Айзман видит проблему не только антисемизма, но и революции в необузданной человеческой жестокости. Мотивы бунтовщиков не скрываются — это грабёж. Но главное не сам мотив, а настроение массы. «Презирая наживу, не думая о наживе, с расширенными зрачками, тяжело дыша, грезил о безбрежном разгуле», — так описан один погромщиков. В такой обстановке еврей — словно загнанный зверь. Если в первой повести есть мотив борьбы, то здесь нет даже намёка на него. И в произведении С. Юшкевича, и в произведении Д. Айзмана события погромов поразительно похожи. «Прямо десятками нагромождает автор изнасилования, сумасшествия, убийства и самоубийства» [5]. Но зачинщики не были убийцами и грабителями, а жителями того же города. В повести «Кровавый разлив» делается на это упор. Абрам знал одного из бунтовщиков много лет. И в этот момент мелькнуло что-то человеческое: узнав знакомого, Никита хотел уйти. Но «кровавый разлив» было уже не остановить. «Еще пятьдесят часов длился погром. А потом, когда он прекратился, началась страшная работа... начали разыскивать и подбирать убитых людей и недобитых, и остатки людей, отрезки, — руки, уши, ноги, груди».

Традиционная еврейская культура диаспоры, противостоящая ассимиляции, показана в произведениях Осипа Перельмана и Наума Осиповича.

В одном из погромов в Белостоке в 1906 г. О. Перельман потерял близкого человека. Эти события отразились в его пьесе «Слушай, Израиль!» (1907), названной в честь одноимённого отрывка из Торы. С неё и началась линия в его творчестве, ставшая, спустя несколько лет, не боковой, а

магистральной [6]. Осип Дымов (чеховский псевдоним, которым он подписывал свои произведения) в своей пьесе выражает «протест против национального бесправия и угнетения» [7]. Сюжет произведения «Слушай, Израиль!» основан на описании несчастий еврейской семьи, вызванных погромом.

Первым ударом стала смерть единственного сына, «кадыша». Отец семейства укоряет Бога в том, что он допустил, «чтобы умирали молитвы». Здесь образ молитв отсылает к двум мотивам. Первый в том, что по еврейской вере «кадыш» (сын) должен молиться над могилой отца. Но этим молитвам не бывать из-за смерти единственного сына. Второй мотив раскрывается чуть позже и состоит в том, что Бог не слышит слов, обращённых к нему, и игнорирует несчастья своего народа. Отец бросает вызов Богу: «Он убил моего сына... Поклонится ли мне тогда этот седой, старый еврей» (Бог)... Я не поклонился Ему!».

Вторым ударом стало изнасилование дочери. Молодая девушка Анна оказывается в центре беспорядков и подвергается насилию бунтовщиков. Придя домой, она решает молчать. Но вскоре её позицию меняет приход в дом того самого «мужа» (насильника), с которым они «не венчались». Он приходит в дом своей жертвы, не скрываясь. Это сцена говорит о том, что погромы – это только отведённое время для бесчинств, их участники не имеют ничего против своих жертв и живут с ними неподалёку.

Последним и самым главным ударом для главы семейства становится новость об отречении сына от иудейской веры ради поступления в университет. От семьи отрекаются, но один еврей говорит о том, что это лишь временно. Он сравнивает еврейство с муравейником, который разрушают, но его снова отстраивают. В его словах чётко прослеживается идея коллективизма еврейства. Однако отец семейства, Арон, считает, что случившееся — это проверка каждого на веру. Последний удар стал роковым. По мнению главного героя, погромы — это только удар Бога. Он проверяет свой народ. Они должны первыми принимать страдания и

отвечать за ошибки других, потому что «старые слуги» (евреи) ближе всех к Богу.

В произведении Н. Осиповича «Фейгелэ» (1910) Бог обещает своему народу мщение «за кровь... за кровь дитяти». В этом произведении синагогальный проповедник Иоффе рассказывает притчу о маленькой девочке, которую родители не смогли спасти во время погрома. Он начался с того, что «мерзкие подстрекатели подговорили пьяную толпу». Идея Н. Осиповича по поводу зачина беспорядков в чём-то схожа с идеей Д. Айзмана. Бунтовщики — люди, движимые не рассудком, а желанием выместить агрессию. Жертвой этой агрессии стала маленькая еврейская девочка. В. Львов-Рогачёвский заметил, что «его (Н. Осиповича) герои обрисованы бледно, эскизно, портретно и несколько шумно, но все они будят человека в человеке» [8]. И действительно, образ маленькой девочки в драме «Фейгеле» символичен. «Фейгелэ» в переводе с идиша означает «маленькая птичка». Поэтому душа девочки обращена белым голубем. Одним из объяснений такого символизма является то, что «...голубка, птенцов которой забирают из ее гнезда, не покидает свое гнездо... так и еврейский народ предан Всевышнему» [9]. В таком образе душа Фейгеле предстаёт перед Богом: «Будет мщенье!»

На основе произведений С. Юшкевича «Евреи», Д. Айзмана «Кровавый разлив», О. Дымова «Слушай, Израиль!» и Н. Осиповича «Фейгеле» можно сделать вывод, что представители русско-еврейской литературы по-разному оценивали причины еврейских погромов конца XIX — начале XX века. Безусловно, описания самих беспорядков в этих произведениях схожи: разбой, убийства, изнасилования. Однако акценты расставляются авторами различно.

Традиционная еврейская семья терпит преобразования в связи с быстрыми изменениями в мире, но всё-таки сохраняет свою индивидуальную культуру. Это лейтмотив произведения С. Юшкевича «Евреи». Однако нельзя не заметить обобщение лирическим героем

еврейского и нееврейского населения. Они объединяются для борьбы с единым врагом. На место врага, организовавшего погромы, ставится власть, а не конкретные исполнители.

В рассказе «Кровавый разлив» Д. Айзмана также есть обобщение двух национальных менталитетов. Русский с еврейской душой и ассимилированный еврей, иными словами, еврей с русской душой. Автор как тонкий психолог выдвигает на первый план не противоречия культур, а человеческую сущность. Вседозволенность и безнаказанность делает из людей животных. И русский, и еврей становятся зачинщиками погромов.

В произведении О. Дымова «Слушай, Израиль!» нельзя выделить одну причину погромов. Немало сцен диалогов русского и еврея говорят о сочувствии к последним. Но приход бунтовщика в дом может указывать на временную вседозволенность бесчинств, как в произведении Д. Айзмана «Кровавый разлив». Однако главный герой считает виновником погромов Бога и его необычную любовь к своему народу, проверку этого народа на веру.

Также мотив близости к Богу присутствует и в притче Н. Осиповича «Фейгеле». Однако это произведение не выделяет причины погромов, скорее отражает взгляд традиционной еврейской общины на беспорядки. Евреи видят выход из ситуации в обращении к Богу, его заступничеству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Электронный источник на базе Краткой еврейской энциклопедии в 11 тт. Иерусалим, 1976–2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.indifferentlanguages.com/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B>. Дата доступа: 11.11.2020.
2. Мирский, В. Рассказы С. Юшкевича / В. Мирский // Журнал для всех. — 1903. — № 5. — С. 45-46.

3. Гофштеттер, И. Накануне исхода (По поводу рассказов С. Юшкевича) / И. Гофштеттер // Наука и жизнь. — 1904. — № 5–8. — С. 875–900.
4. Письмо: Горький М. — Амфитеатрову А. В. (конец января 1907 г.) // Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка / Отв. ред.: И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина. — М., 1988. — С. 14. (Литерат. наследство. — Т. 95)
5. Львов-Рогачевский, В.Л. Д. Я. Айзман / В. Львов-Рогачевский // Львов-Рогачевский, В.Л. Русско-еврейская литература. — М., 1924. — С. 116-117.
6. Голос войны // Лехаим. — 2008. — №4 (апрель). — С.192.
7. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / ред. совет: А. А. Сурков. (гл. ред.) [и др.] — М., 1962. — Т.2. — 1964. — С. 829.
8. Ратнер, А. В. Осипович Н. М.: биографическая справка / А. В. Ратнер // Русские писатели: 1800-1917; биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. — М., СПб., 1999. — Т. 4. — С.704.
9. Талмуд, Менахот 53b

Качан К. Д., студент 131 группы
 Научный руководитель – Друк Г. М.,
 кандидат филологических наук, доцент

ІДЭЙНА-МАСТАЦКІ АНАЛІЗ РАМАНА В. ГАПЕЕВА «ПАЗЛ»

«Што мы ведаем пра свае скрыжаванні? Пра тое, як паступаць з людзьмі, якіх сустрэлі там?»

(В.Гапееў «Пазл»)

У беларускай літаратуры Валеры Гапееў стаў вядомы з 90-х гг. XX ст. і хутка набыў аўтарытэт арыгінальнага прадстаўніка дзіцячай, у прыватнасці, падлеткавай літаратуры. Такія зборнікі прозы як “Пастка на